

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Читайте книги в серии «Проза Маши Трауб»

Любовная аритмия

О чем говорят младенцы

Я никому ничего не должна

Всяla vie

Семейная кухня

Ласточ...ка

Замочная скважина

Не всяla vie

Пьяная стерлядь

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

МАША
ТРАУБ
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА

ЭКСМО

Москва

2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Т 65

Художественное оформление серии *С. Груздева*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Ольги Седовой*

Фото автора на 4-й сторонке обложки *Д. Хубецова*

Трауб М.

Т 65 Замочная скважина : роман / Маша Трауб. —
М.: Эксмо, 2013. — 320 с. — (Проза Маши Трауб).

ISBN 978-5-04-194102-4

Я приехала в дом, в котором выросла. Долго пыталась открыть дверь, ковыряясь ключами в дверных замках. «А вы кто?» — спросила у меня соседка, выносившая ведро. «Я здесь живу. Жила», — ответила я. «С кем ты разговариваешь? — выглянула из-за двери пожилая женщина и тяжело поднялась на пролет. — Ты Маша? Дочка Ольги?» — спросила она меня. Я кивнула. Здесь меня узнают всегда, сколько бы лет ни прошло. Соседи. Они напоят тебе то, что ты давно забыл.

Маша Трауб

**УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978-5-04-194102-4

© Трауб М., 2012
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2013

Серые однотипные девятиэтажки. Три дома вдоль, один — поперек, три дома вдоль, один — поперек. Напротив — такие же однотипные двухэтажные здания детских садов. Видимо, по задумке архитектора, все новоселы должны были размножаться как кролики, чтобы заполнить чадами такую концентрацию детских учреждений на одной отдельно взятой улице. И в каждой детсадовской группе — обязательно попугайчик в клетке и аквариум с рыбками, а иногда и черепаха, цветок алоэ на столе у воспитательницы — панацея от всех болезней, фикус в большой кадке, выюнки по стене и зеленая пластмассовая лейка на подоконнике.

И еще в каждой группе — кладовка для хранения раскладушек. В эту кладовку — прибежище и пристанище не только раскладушек, но и нянечки, воспитательница обещала отправить непослушных детей. Рано или поздно каждый там оказывался. В детях воспитывали не только любовь к Родине, но и страх

Маша Трауб

перед замкнутым пространством. Несколько поколений покрывались липким потом и остро начинали чувствовать мочевого пузыря, оказываясь в темной затхлой комнатухе.

Дорога, разделявшая безликие дома и яркие детские садики с расписными верандами, была слишком узкой. Она так и осталась разбитой и всклокоченной с момента строительства. Где-то в ее начале навечно врос в землю каток. Он был такой же достопримечательностью улицы, как и мусорка — три огромных контейнера, которые стояли между детскими садами, втиснувшись в крошечный аппендикс. Почему-то считалось, что детские сады до мусорки — лучше тех, что после, и молодые мамы, сворачивавшие после мусорки налево, более счастливы, чем те, кто сворачивал направо. Пусть хоть в этой мелочи они были успешнее соседок. Мери успеха определяла эта мусорка.

Улица имела свой собственный запах — подгоревшей манной каши, гнилых отходов жизнедеятельности, женского тела, взмыленного уже с раннего утра, и младенческой сладости. Особенно остро эта какофония ароматов ощущалась напротив здания яслей, куда отдавали детей с года. Можно было застыть за забором, сделать глубокий вдох и долго кашлять после этого — запах хлорки,

Замочная скважина

которой мыли детские горшки, заглушал, забивал все остальные.

В конце улицы, примыкая вплотную к последней веранде с ядрено-красными божьями коровками по бокам, стояла четырехэтажная детская поликлиника. Все маленькие воспитанники были обречены на ее посещение. Все ходили к одним и тем же врачам, сидели на одних и тех же неудобных банкетках, рассматривали рисунки и наклейки, которыми мамы украшали объемные медицинские карты, практически талмуды, и срывались с места в неудачной попытке добежать до стены, на которой был нарисован дуб зеленый со златою цепью. Кот ученый у художника не получился — все младенцы, которых мамы подносили к стене показать «котика», начинали орать. Детей постарше одергивали и усаживали назад, на банкетку.

По утрам — особенно это было заметно зимой — в окнах домов появлялись женские силуэты. Понурые сонные дети, уже перешедшие в среднюю или старшую группу, шли сами, без сопровождения, — так было заведено не пойми кем. Они текли по улице стройным ручейком, растекаясь по детским садам и группам. Мамы, которые в это время плевали в коробочку с тушью, красили ресницы, собираясь на «службу», отрывались от свое-

Маша Трауб

го занятия и смотрели, как на втором этаже появлялась голова ребенка. Вот он садится за стол, ест манную кашу. Все хорошо. Утро наступило.

Мало кто провожал детей старше пяти лет в садик — разве что в семье имелаась бабушка. Но это было редкостью и роскошью. Непозволительной. Да и зачем провожать? Все сами ходят. Мимо катка, который так и не выполнил свою функцию — не раскатал асфальт, мимо мусорки. Совсем рядом. Очень удобно. И из окна видно.

Мамы в последний раз яростно сплевывали в коробочку с тушью, настраиваясь на новый день, и выплескивались из квартир новым потоком. Бежали на каблуках — а как же иначе — на автобусную остановку, единственную на весь новый район, в единственный автобус, который вез до метро, или на станцию электрички, что, конечно, дальше — пятнадцать минут почти бегом, рысью, — но надежнее. Толкались, впихивались, втискивались. И уже там, вцепившись в перекладину, думали о том, как в перерыв сбежать в магазин, купить что-нибудь на ужин, или уже вечером — за картошкой. В каждой дамской сумочке — старая авоська. А еще в ремонт обуви заскочить — сапоги сдать, благо будка, конура размером с туалет, приткнулась ря-

Замочная скважина

дом с автобусной остановкой. Работали там отец и сын, похожие друг на друга как две капли воды. Отец замечательно ставил набойки, а сын продавал полусгнившие шнурки, которые быстро рвались. И гуталин всегда был засохший. Но сыну прощали шнурки ради набоек, которые ставил его отец — тот из любых туфель мог сделать башмачок для Золушки.

Сколько на этой раздолбанной улице было сломано каблучков! Сколько детских коленок разбито! Сколько колес от колясок и велосипедов отвалилось и было безвозвратно утеряно!

Молодые мамы, приноровившись, примерившись, шли с закрытыми глазами. Здесь обойти — вечная лужа. Здесь объехать — колдобина. Здесь — бордюра нет, можно заехать, не опрокидывая коляску навзничь. Даже дети топали, обходя колодцы — туда можно и провалиться, крышка всегда сдвинута. Один раз доставали Славика из старшей группы, один раз Наташу из средней. Славик ладно, а Наташа пальто испачкала и порвала. Мама накричала и по попе надавала, так что лучше обойти. К помойке подходить нельзя — там крысы, их все дети видели: бегают, вышмыгивают, большие, наглые. Дети этого района дружно боялись крыс и, когда в садиках вос-

Маша Трауб

питательницы читали сказку про Щелкунчика, вжимались в маленькие стульчики, расписанные рябиновыми гроздьями. Да, точно есть крысиное царство — в это верили абсолютно все.

И к катку нельзя подходить — Рекс укусит. Рекс — местная бродячая собака, жившая под машиной. Говорили, что ее бросили вместе с катком, и она ждала, когда ее заберут. Рекс был злой, на всех лаял, но одновременно добрый, с застенчивыми, в слезах глазами. Как будто он всю ночь плакал, когда его никто под машиной не видел.

* * *

Танюше все завидовали. Ее в садик водила старшая сестра — уже совсем взрослая, во втором классе учится. Доходила с ней до самых ворот и бежала в школу. А забирала мама. Всегда вовремя. Не то что некоторые родительницы, которые задерживались на службе, и на них ругалась воспитательница. Воспитательниц тоже можно понять — еще в магазин, суп на завтра сварить, подзатыльников своим собственным детям надавать, а надо сидеть, ждать, когда мамаша, цокая каблучками со стертыми набойками, загнанная, как полковая лошадь, прискачет.